
ТЕОРИЯ ПОЛИТИКИ

**ОБ ЭНДОГЕННЫХ ФАКТОРАХ
ФРАГМЕНТАЦИИ ИДЕНТИЧНОСТИ РОССИИ**

© 2013 г. К. Гаджиев

Важнейшей особенностью Российской Федерации является асимметричность, которая определяется многонациональным и многоконфессиональным составом населения, природно-географическим разнообразием регионов, огромными расстояниями между ними при несовершенстве и дороговизне коммуникаций и др. Субъекты Российской Федерации различаются между собой по размерам территории, численности и плотности населения, национальному составу, уровню социального, экономического, культурного развития. С распадом СССР единая территория многовековой империи оказалась разорванной на множество фрагментов, причем не только по линиям государственных границ, но и на этнонациональные, региональные, конфессиональные и иные составляющие. Более того, в условиях, когда вслед за распадом СССР сама Россия также столкнулась с реальной угрозой “балканизации”, сохранение территориальной целостности превратилось в одну из ключевых проблем, от решения которых зависят перспективы самой российской государственности.

Одной из причин сложившейся ситуации является такая конституционно-правовая аномалия, как сочетание административно-территориального и национально-территориального принципов государственно-административного устройства. В силу сочетания названных двух принципов Российская Федерация представляет собой сложносоставное государство, включающее, согласно ч. 1 ст. 5 и ч. 1 ст. 65 Конституции РФ, шесть разновидностей субъектов Федерации: края, области, города федерального значения, национальные республики, автономные округа и автономную область. К тому же существуют так называемые матрешечные субъекты, входящие в состав других более крупных субъектов, что представляет собой ни что иное, как конституционно-правовую аномалию.

Эти проблемы достаточно подробно проанализированы в отечественной политической науке. В предлагаемой статье предпринята попытка рассмотреть некоторые наиболее значимые факторы фрагментации национальной идентичности России, среди которых ключевое место занимает положение в сфере межнациональных отношений.

* * *

Ирония истории состоит в том, что СССР стал жертвой собственного вклада в дальнейшее развитие культур, языков, социальной и экономической сфер жизни входящих в него народов или этносов. К примеру, если в США государственная политика “плавильного котла” всячески поощряла ассимиляцию постоянных потоков иммигрантов в единую американскую нацию, национальная политика советского государства вела к противоположным результатам. Можно с уверенностью утверждать, что СССР стал своего рода полигоном не только сохранения, но и дальнейшего развития различных этносов и народностей.

В условиях фактической дискредитации базовых основ советской национальной политики возник целый комплекс противоречий, связанных с различными аспектами политической суверенизации национальных автономий. В этом контексте особую значимость приобрел тот факт, что с развертыванием в стране процессов перестройки и, особенно, с распадом СССР наметилась тенденция к политизации и идеологизации этнонациональных отношений, выдвижения на передний план радикальных версий национализма.

При этом важно отметить, что в отечественном научном, особенно публицистическом и журналистском сообществах сложились превратные представления о национализме, нередко с отрицательными коннотациями. Более того, в некоторых кругах само слово “патриотизм” стало чуть ли не ругательным. Однако, как показывает опыт истории, национализм может служить фактором, с одной стороны, мобилизации масс людей, принадлежащих к конкретной нации или народу, для достижения целей обеспечения жизнеспособ-

ГАДЖИЕВ Камалудин Серажудинович, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник ИМЭМО РАН (gajievks@mail.ru).

ности и дальнейшего продвижения общества на путях прогресса и, с другой стороны, для подрыва его устоев, разрушения существующих общественно-политических институтов и самой государственности.

Как говорится, национализм национализму рознь. Если под национализмом понимается любовь к Родине, готовность служить ей, то такой национализм можно только приветствовать. Возможно, прав английский журналист и исследователь А. Ливен, который утверждал, что основная проблема России сегодня – не недостаток демократии, а недостаток гражданского национализма¹. Такой национализм необходимо решительно отличать от идеологизированного, радикального этнонационализма, при определенных условиях вырождающегося в шовинизм и даже черносотенство. Здесь уместно проводить различие между гражданско-политическим национализмом, который имеет более или менее существенные коннотации, с институтом и культурой гражданства конкретного государства, отождествляемого с родиной, и версией, базирующейся на трактовке понятий “этнос” и “нация” в духе примордиализма (от англ. *primordial* – изначальный, первозданный). Как известно, приверженцы примордиализма при определении нации ключевое значение придают преимущественно этническому началу, основанному на происхождении, крови и присущих только им культуре, языке, традициях, обычаях, стереотипах поведения и т.д.

Как гражданско-политическая, так и примордиалистская трактовки нации и, соответственно, национализма имеют право на существование. Политико-гражданская модель нации имеет то преимущество, что жизнеспособность и эффективное функционирование современного общества требует единых для всех граждан нормативно-правовых принципов, экономического единства информационного, культурного, языкового и иных пространств. Но ситуация значительно сложнее в многонациональных государствах, где наряду с общими интересами, нормативно-правовыми, ценностными, гражданскими составляющими, сохраняются те или иные социокультурные, политико-культурные, конфессиональные, традиционные и иные нормы и правила поведения, характерные для менталитета этнонациональных, культурных, религиозных и так далее меньшинств. Это не удивительно, если учесть, что группа, коллектив, община, национальное, культурное или иное сообщество служат для отдель-

ного индивида своего рода якорем, убежищем, той последней инстанцией, к которой он может обратиться в случае нарушения его прав, свобод и интересов со стороны будь то государства или общества, титульной нации или какой-либо иной посторонней силы.

Однако, как показывает опыт последних десятилетий, некоторые сторонники примордиализма доводят его принципы до крайностей, полагая, что этнос несет в себе биологическую энергию и подчиняется иным законам, нежели большинство других социальных феноменов. С сожалением приходится признать, что этот и подобные им подходы в оценке этноса и этнизма пользуются популярностью среди определенной части интеллигенции в новых постсоветских государствах и национальных республиках Российской Федерации. Именно примордиалистское понимание этноса лежит в основе различных версий национализма, которые берут этнизм в качестве главного критерия для определения “своих” и “чужих”, “друзей” и “врагов”. Здесь, как отмечал Дж. Ротшильд, мобилизация этничности становится процессом его превращения “из психологического, культурного или социального фактора в собственно политическую силу”, преследующую свои особые цели². Причем, “чем больше политический экстремизм преуспевает в своем стремлении использовать национальные чувства, тем вернее этничность превращается в воинствующий шовинизм”³. К сожалению, примордиализм оказался притягателен для определенной части русской интеллигенции, исповедующей установку радикального этнонационализма.

Очевидно, что именно такой радикальный этнонационализм или этнизм служит серьезным препятствием на пути формирования в новых условиях единой российской идентичности, единой гражданской культуры, чувства единого российского гражданства и т.д. Можно утверждать, что каждый народ, каждая страна имеет своих радикальных националистов, черносотенцев, скинхедов и иные экстремистские группировки. В каждом народе, в каждой стране примерно 3–5% (может быть больше, а может быть меньше) принадлежат к таким категориям населения. Если определить их в количественном измерении, то получится, что в России среди лиц славянской национальности приверженцев радикального национализма насчитывается от трех до пяти миллионов, что, возможно, немногим меньше

¹ Цит. по: Быков П., Власова О. Хороший плохой национализм // Эксперт. 2005. № 18. С. 86.

² См.: Rothschild J. Ethnopolitics: A Conceptual Framework. N.Y., 1981. P. 2.

³ Ibid.

численности всех коренных народов национальных республик Северного Кавказа вместе взятых. Значимость осознания этой реальности определяется тем фактом, что нередко образ врага в лице того или иного народа выростал и вырастает из поведения небольшой части его представителей. В этой связи немецкий писатель, поэт, мистик Новалис (Фридрих Гарденберг) заметил: «Когда судят о нации, то чаще всего судят лишь о той части, которая бросается в глаза»⁴. Но эти меньшинства по определению не могут рассматриваться как единственные или главные выразители интересов, чаяний, устремлений того или иного народа.

Отличительная особенность российских радикальных этнонационалистов, независимо от национальной или этнической принадлежности (будь то русские, чеченцы, кабардинцы, лезгины, лица кавказской национальности или лица славянской национальности), состоит в том, что его представители ищут «других», «чужих», врагов, «козлов отпущения» внутри страны. Если на Западе адресатом ксенофобии являются пришлые, в основном иммигранты – граждане не западных стран, прежде всего выходцы из исламского мира, то в России фобии направлены во внутрь, против граждан иной национальной или этнической принадлежности. В сущности, они играют на одном поле с разномастными экстремистскими и террористическими группами, осознанно или по недоумению подрывая основы российской государственности.

Своеобразным проявлением этого феномена являются неприязнь и разного рода фобии в отношении представителей тех или иных российских этносов друг к другу. В этом контексте не может не вызвать особую озабоченность кавказофобия. По сути дела сформировался новый, с расистским привкусом, феномен, обозначенный ярлыком «лица кавказской национальности», которых стали обвинять чуть ли не во всех проблемах и бедах России, прежде всего русского народа. Хотя надо признать, что определенные основания для недовольства представителями кавказских народов в России имеются. Речь идет, например, о существовании в различных регионах страны этнических криминальных групп, участие представителей кавказских народов в целом ряде террористических актов в российских городах, в том числе в северокавказских городах Каспийске, Буйнакске, Кизляре, Нальчике, Владикавказе.

⁴ Цит. по: *Копелев Л.З.* Чужие / ОДИССЕЙ. Человек в истории. Образ «другого» в культуре. М., 1993.

Но при оценке этих явлений необходимо проявить исключительную осторожность и корректность. М. Горький в «Жизни Клима Самгина» цитировал слова известного русского лингвиста Бодуэна де Куртенэ: «Когда русский украдет, говорят: “Украл вор”, а когда украдет еврей, говорят: “Украл еврей”». Очевидно, что при таком подходе внимание фиксируется не столько на факте воровства, сколько на национальности вора. Именно на этом принципе основываются СМИ так называемой патриотической ориентации, да и не только они, когда оценивают действия представителей нерусских российских народов. Между тем и в государственных СМИ ежедневно сообщают про этнические преступные группировки, массовые драки «уроженцев» с «выходцами» или инцидентах, как, например: «Два уроженца Дагестана открыли в метро стрельбу, ранив двух пассажиров славянской внешности». Соответственно, людей в России исподволь предлагают делить не по паспорту, а по внешности и крови. Впрочем, здесь было бы не совсем корректно винить средства массовой информации как таковые. Они – неотъемлемая часть общества и, естественно, не могут игнорировать его запросы и потребности. Как говорится, спрос рождает предложение. А у определенной части нашего общества большая потребность в, так сказать, «жареных» фактах, и по большому счету в ответах на извечный русский вопрос «кто виноват?».

Разумеется, радикальный этнонационализм не обязательно есть черносотенство и нацизм, не всякий радикальный националист является черносотенцем или нацистом, не всякий националист призывает к погромам, но всякий экстремист, в том числе черносотенец или нацист, который по определению предпочитает погромы, выходит из среды радикальных националистов. Их можно объединить в особое специфическое течение в рамках самого радикального национализма. Его приверженцы могут молиться на закланного врага русского народа Адольфа Гитлера и 21 апреля каждого года отмечать день его рождения.

В этой связи не могут не вызвать недоумение рассуждения некоторых радетелей чистоты русской нации о том, что России нужно уходить с Северного Кавказа, отгородиться от мусульманских народов данного региона непреодолимыми пограничными барьерами. Если вообще теоретически допустить возможность «ухода» России с Северного Кавказа, то нетрудно предположить непредсказуемые и кровавые последствия этого акта для всего региона, и не только для него. Ибо, когда

народы в полной мере осознают, что каждому из них суждено жить в собственном, самостоятельном во всех отношениях государстве, территориальный вопрос выдвинется на передний план уже на качественно новом уровне и измерении. В дополнение к этому, на поверхность могут выйти пребывающие в латентном состоянии исторические обиды автохтонных народов, значительная часть которых была насильственно изгнана с их исконно исторических территорий, таких как нынешние Ставропольский и Краснодарский края, и заселены представителями славянских народов, прежде всего русскими. Здесь популярное выражение “понаехали тут” может претерпеть, так сказать, инверсию и использоваться в ином значении. В связи с этим следует отнестись со всей серьезностью и к этнонационалистическим проявлениям, характерным не только для северокавказских национальных республик.

Если этническая идентичность строится на – “мы”, противопоставляемого “другим” – “не мы”, то, как верно отмечал А. Семин, «получается, что в нашем государстве рядом с нами живут “не мы”, например этнические татары, чеченцы, авары, даргинцы, якуты, которые также являются полноправными членами нашего общества, гражданами нашего государства»⁵. Соответственно, в России множество идентичностей: русская, татарская, башкирская, чеченская, лезгинская, бурятская, якутская и т.д., а также региональные, вероисповедные, культурно-языковые и иные идентичности. Такое понимание идентичности не может не привести к весьма печальным последствиям для самой российской государственности. Любой национализм, тем более любой этнизм, претендующий на главный атрибут или главную составляющую идентичности, деструктивен для жизнеспособности, единства и перспектив российской государственности.

Здесь нельзя не согласиться с А. Цыпко, который писал: «Русский национал-изоляционизм – это откровенная национальная измена, предательство по отношению к делу наших предков, которые завоевывали Крым и Кавказ, прорубили через Балтийское море “окно в Европу”. Это откровенное предательство по отношению к героям Полтавы, Измаила, Севастополя и т.д. Сегодня все тот же национал-изоляционизм пытается вытолкнуть из России татар, чеченцев, башкир. И если дать волю этому самоубийственному стремлению, то от России не останется ровным

счетом ничего»⁶. Или же, как отмечали А. Громов и И. Давыдов, “главной чертой русского этнонационализма является его принципиальная и радикальная антинациональность. Можно даже без всякого парадокса сказать: антирусскость”⁷.

Самый государственный из русских мыслителей К. Леонтьев говорил о национализме как повсеместном орудии разрушения империй. Исторический опыт воочию свидетельствует, что лозунги вроде “вот этот или тот виноват в проблемах или бедах страны” никому никогда в конечном счете не приносили пользу. По-видимому, ряд известных русских мыслителей, которые выделяли и критически оценивали некоторые отрицательные стороны русского национализма, имели в виду, прежде всего, характеристики его радикальных разновидностей. Так, С.Л. Франк называл русский национализм “мистической национальной самовлюбленностью”. В письме к Г.П. Федотову он писал: “Русский национализм отличается от естественных национализмов европейских народов именно тем, что проникнут фальшивой религиозной восторженностью и именно этим особенно губителен”⁸. В той или иной форме подобной позиции придерживались многие деятели русской интеллектуальной элиты. К примеру, пытаясь развенчать такое понимание национализма и его детища в лице “Союза русского народа”, Н. Бердяев писал: «“Русский народ” в кавычках и был самым ярким показателем отсутствия у нас здорового национального сознания, здорового национального чувства, показателем розни и распада. В основе “союза русского народа” лежит не национальное сознание, а зоологический инстинкт. А то, что “союз” этот прикрывается христианством, это одно из самых отвратительных явлений лицемерия и лжи»⁹.

* * *

Казалось бы, имеющийся разнородной идентичностей должен неизбежно привести к расколу российского общества и стать непреодолимым препятствием на пути формирования единой российской идентичности. И действительно, так бы и было, если бы не следующее обстоятельство. Дело в том, что в идентичности россиян присутствует значительный элемент амбивалентности, поскольку представители подавляющего большинства, если не всех народов России, осознают

⁶ Литературная газета. 10.05. 2006.

⁷ Громов А., Давыдов И. Фантом национализма // Эксперт. 2007. № 1–2. С. 84.

⁸ Франк С.Л. Русское мировоззрение. СПб., 1996. С. 99.

⁹ Бердяев Н. О русском национальном сознании (http://krotov.info/library/02_b/berdyayev/19081207.html).

⁵ Семин А. Мы – народ // Политический журнал. 2009. № 5–6 (<http://www.politjournal.ru/index.php?action>).

свою идентичность не только на основе одной лишь этнической принадлежности. Этническая составляющая дополняется другими признаками, характеризующими человека или группу, общность и т.д. Конфессиональная принадлежность даже в сочетании с этнической идентичностью не может служить достаточным основанием для раскрытия всех граней личной и коллективной идентичности гражданина России.

Важно учесть, что идентичность русского народа формировалась при наличии значительной доли надэтнического имперского начала. Именно этим во многом объясняется особенность русского народа, которая состоит в способности усваивать ценности и установки других народов, этносов и культур. В XIX столетии стала популярной идея об “универсальном” характере русской идентичности, оказавшая заметное влияние на последующие дискуссии по данному вопросу. Впервые выдвинутая славянофилами, она получила дальнейшее развитие и конкретизацию у Ф.М. Достоевского, В.С. Соловьева, Н.А. Бердяева и др., которые говорили о всечеловечности и универсальности русской культуры. Так, в своем знаменитом очерке о Пушкине Достоевский писал: “Ибо что такое сила духа русской народности, как не стремление ее в конечных целях своих ко всемирности и ко всечеловечности? <...> Да, назначение русского человека есть, бесспорно, всеевропейское и всемирное. Стать настоящим русским, стать вполне русским, может быть, и значит только (в конце концов, это подчеркните) стать братом всех людей, всечеловеком, если хотите”. Подобные же рассуждения у тех или иных представителей русской интеллигенции сочетаются с крайними проявлениями национализма. В этой связи Л.А. Тихомиров (в молодости народолюбец, отрекшийся от революционных убеждений и ставший монархистом) писал: “У нас ныне среди правых, иногда проявляется такая узкая идея русского интереса, такой национальный эгоизм, которые приличествуют разве какой-нибудь бискайской национальности... Это настроение и точка зрения, против которых вопиют вся русская история, вся жизнь русского народа, все лучшие его мыслители и деятели”. Утверждая, что “это в высочайшей степени антирусская черта”, Тихомиров продолжал: “Человек нерусского племени нередко может быть скорее назван русским, чем иной потомок московских бояр или даже Рюриковичей (которые, впрочем, и сами, по летописи, были нерусскими)”¹⁰. В духе вышеприведенных

аргументов известных представителей русской общественной мысли он резюмировал: “Русская национальность есть мировая национальность, никогда не замыкавшаяся в круге племенных интересов, но всегда несшая идеалы общечеловеческой жизни, всегда умевшая дать место в своем деле и в своей жизни множеству самых разнообразных племен. Именно эта черта и делает русский народ великим мировым народом... Если Россия откажется работать на пользу всеобщую, она теряет все свои права мировой нации”¹¹.

Другими словами, сущностное содержание российской идеи – это полиэтничность, органическое соединение различных народов, культур, традиций, языков, конфессий. Россия как в допетровской Руси и Российской империи, так и в СССР всегда была полиэтничным и многоконфессиональным государством, отличавшимся чрезвычайным культурным разнообразием. “Самая значительная черта русской государственной плоти, – писал А.Ф. Степун, – многоплеменность и многоязычность России, представляющей собой не нацию, а целую семью наций. Сворачивать в тупик великорусски-славянофильского обрусительного шовинизма..., значит проявлять величайшую нечувствительность к облику и гению России”¹².

Как известно, наличие общей для всей страны социокультурной основы представляет собой одно из необходимейших формирований между различными этнонациональными и социокультурными, конфессиональными общностями консенсуса относительно основополагающих принципов и норм государственно-политического устройства. Разумеется, было бы глупо делать вид, будто в России нет межэтнических, межкультурных, межконфессиональных и иных связанных с ними и порожденных ими проблем. При всем том, в результате совместной жизни, в течение многих поколений в составе единого государства – сначала Российской империи, а затем СССР – на всем необъятном евразийском пространстве имело место поистине вавилонское смешение народов. На протяжении всего постсоветского периода существенно изменились характер и территории расселения представителей разных народов страны, границы которых в еще большей степени перестали соответствовать административным границам. Дело дошло до такого можно сказать аномального положения, когда титульное население того или иного автономного образования составляет меньшинство, порой значительное.

¹⁰ Тихомиров Л. Что значит жить и думать по-русски? // Московские ведомости. 1911. № 119.

¹¹ Там же.

¹² Степун Ф.А. Чаемая Россия. СПб., 1999. С. 246.

К примеру, общая численность населения Республики Адыгея – 447.109 человек, в том числе русских – 288.280, адыгейцев – 108.115, армян – 15.268 человек и др.¹³ Таким образом, численность титульного народа – менее 1/4 всего населения.

Значительная часть нерусского населения Российской Федерации составляют так называемые диаспорные меньшинства – 4.3 млн. украинцев, 1.2 млн. белорусов, 1 млн. 182.4 тыс. армян, 648 тыс. казахов и др., то есть народы, расселенные дисперсно и никак не претендующие на создание, будь то в составе или вне России, каких-либо собственных территориально-политических образований.

И это не все. Если в соответствии со своеобразно толкуемой идеей суверенитета привязать права наций и народностей к конкретным территориальным границам, то тогда как быть с представителями титульного народа той или иной республики, проживающими за пределами последней? Нельзя забывать, что миллионы представителей этнонациональных групп проживают на территории России, но вне пределов своей исторической родины. Например, более 2/3 татар (а по некоторым данным даже больше) живут вне Татарстана, 2/3 мордвы обосновались вне Мордовии. Значительные контингенты выходцев с Кавказа оказались разбросанными по всей территории СССР, большая часть которых осела на Юге России. Что касается городов всех без исключения национальных республик, то по составу населения все они являются многонациональными. В результате все более убыстряющейся урбанизации этнонациональные анклавные территории сохраняются преимущественно в сельской местности, численность населения которой будет неуклонно сокращаться.

Разумеется, представители различных народов, вовлеченные в бурные политические процессы, в повседневной жизни хотят ощущать себя армянами, башкирами, кабардинцами, лезгинами, осетинами, татарами, чувашами и т.д. Но все это вовсе не значит, что они не желают оставаться гражданами РФ. У подавляющего большинства представителей почти всех народов России выработалось чувство согражданства в едином государстве. Существует целый комплекс фундаментальных, основополагающих интересов и факторов, в равной степени затрагивающих все народы и республики, в равной степени объединяющих их в единое образование, по сравнению с которыми все

разногласия, противоречия, конфликты являются второстепенными.

Многие народы России живут на занимаемых ими территориях на протяжении многих столетий, а то и тысячелетий. Поэтому сам вопрос о том, являются ли они коренными народами, не может не звучать абсурдно. Российское государство служило своего рода полем притяжения для многих народов, принадлежащих к разным культурным мирам, своеобразной осью, вокруг которой шел длительный процесс социальной и политической самоорганизации сверхсложного по своим национальным, социальным и культурным компонентам сообщества. В этом трудном и длительном процессе все более растущее число представителей разных этносов становилось неотъемлемой частью единого социально-экономического, социокультурного, политико-культурного, языкового круга или пространства.

Полиэтническое государство немислимо без межнациональной терпимости. По большому счету борьба с радикальным национализмом, будь то великорусский или местнически-этнический, в России – это борьба за целостность государства. Российскому государству по определению противопоказана позиция, обозначаемая в повседневном лексиконе словами “понаехали тут!”. Раз Российская империя завоевала огромные пространства, населенные множеством народов, то, как говорится, извольте терпеть. Невозможно строить империю, пропагандируя неприязнь к ее подданным, которые в подавляющем большинстве в самые поворотные периоды истории продемонстрировали ей свою преданность. В этом контексте Москва является столицей Государства Российского в равной степени для всех без исключения граждан – русских, татар, “лиц кавказской национальности” и др. Соответственно, никто, от рядового полицейского до самого министра внутренних дел РФ, не вправе останавливать на улице кого бы то ни было и под предлогом проверки документов вымогать у него деньги. Если кто-то думает и действует иначе, то это не может не рассматриваться как уголовно наказуемое преступление против Конституции и законов Российской Федерации.

Можно без преувеличения утверждать, что в значительной степени кавказофобия и производная от нее исламофобия порождены простым незнанием реальной жизни народов региона, которые страдают от действий собственных черносотенцев и отморожков в многократно большей степени, чем население русских субъектов Федерации. В этой связи бросается в глаза вопиющая неосведомленность подавляющей части населения страны о положении дел в так называемых

¹³ См.: Государственная национальная политика и государственно-конфессиональные отношения в субъектах Российской Федерации в 2004 году. М., 2005. Т. 2.

национальных республиках Российской Федерации, прежде всего Северного Кавказа.

У части российских пользователей средств массовой информации может сложиться впечатление о весьма узком круге занятий, интересов, потребностей основной части населения этих республик: терроризм (взрывы, убийства милиционеров/полицейских и чиновников), организованная этническая преступность, повальная коррупция, ночные танцы на улицах и площадях русских городов, преднамеренные (или же тщательно запланированные) убийства ни в чем не повинных русских парней (особенно, фанатов спортивных клубов), резание и освеживание баранов на улицах и площадях православных городов во время мусульманских праздников и т.д. и т.п. Но ведь вся жизнь нерусских народов и мусульман не ограничивается ими. В противном случае, как получается, что по результатам почти всех социологических исследований, северокавказские республики по уровню преступности и смертности занимают места в последней десятке субъектов Российской Федерации, а по уровню рождаемости, продолжительности жизни, числу студентов на тысячу человек и по ряду других позитивных показателей – места в первой десятке. Это объясняется тем, что в России, в том числе на Северном Кавказе, абсолютное большинство населения нормальные и честные люди, озабоченные проблемами поиска лучшей работы, материального обеспечения семей, воспитания детей и т.д.

Разумеется, никакими доводами и аргументами нельзя оправдать чудовищные взрывы как в Московском метро, так и самолетов, вылетавших из московских аэропортов и т.д. Но многим просто невдомек, что от террористических актов в большей степени, чем в каком-либо ином регионе России, страдают жители именно в республиках Северного Кавказа. Ведь им приходится вести борьбу на несколько фронтов: против физического террора со стороны разномастных боевиков; против нелегитимных, насквозь коррумпированных республиканских властей; против идеолого-информационного терроризма радикальных националистов, которым для пропаганды своих позиций широко представлена трибуна во всех электронных средствах массовой информации.

* * *

Смысл этих рассуждений заключается в следующем. Русскому народу, именем которого была названа сначала Российская империя, а теперь Российская Федерация, с точки зрения укрепления государственности, соответственно нацио-

нальной и геополитической идентичности, принадлежит ключевая роль. Никуда не уйти от того очевидного факта, что изначально Россия создавалась русскими, однако не только исключительно для русских, но и для тех народов, этносов и племен, которые тем или иным путем входили в ее состав. Раз и навсегда нужно осознать тот, впрочем, самоочевидный факт, что без русских нет и не может быть России, а без какого-либо одного отдельно взятого народа, будь то татары, чеченцы, лезгины и т.д. Россия была, есть и в той или иной ипостаси будет. Именно этот факт, прежде всего, возлагает на русский народ особую ответственность. Эта ответственность приобретает еще большую значимость в современных условиях переходного периода, переживаемого всеми народами России.

Возможно, кому-то это не понравится, но в данном вопросе не могу не согласиться с Г.П. Федотовым, который писал: «Большинство народов, населяющих Россию как островки в русском море, не могут существовать отдельно от нее; другие, отделившись, неминуемо погибнут, поглощенные соседями. Там, где, как на Кавказе, живут десятки племен, раздираемых взаимной враждой, только справедливая рука суперарбитра может предотвратить кровавый взрыв, в котором неминуемо погибнут все ростки новой национальной жизни»¹⁴. Однако прослеживается опасность, что у России может потеряться инстинкт самосохранения. Порой создается впечатление, что верховная власть уходит в глухую политическую и идеологическую оборону перед лицом тех сил, которые нутром почувствовали, где именно опасно истончаются края имперской материи и где можно попытаться порвать их в клочья¹⁵.

С учетом этих реалий с сожалением приходится констатировать, что главным препятствием на пути формирования единой общепризнанной идентичности России является незавершенность социокультурной, политико-культурной, национальной консолидации российского согражданства. Как уже отмечалось, имеющий место в наши дни радикальный этнонационализм можно рассматривать как политизированную форму этнической идентичности, которая всячески подпитывается разного рода искусственно сконструированными мифами, легендами, искаженными толкованиями истории и т.д. У многих этносов

¹⁴ Национальная политика России: история и современность. М., 1997. С. 47.

¹⁵ См.: Дегоев В. Историку Северного Кавказа: не навреди во гневе и пристрастии! (<http://www.mgimo.ru/news/experts/document190447.phtml>).

получили популярность альтернативные версии их истории, в которых даются идеализированные, приукрашенные, зачастую в крайних формах, трактовки далекого прошлого, что порой служит основой для идеологии межэтнической конфронтации. В этом контексте обращают на себя внимание те российские граждане, которые ратуют за замену этнически нейтрального слова “россияне”, коим обозначаются граждане Российской Федерации, более простым и, как уверяют, более живым словом “русские”.

Однако нельзя забывать тот факт, что слово “россияне” – это, в сущности, собирательное название всех народов Российской Федерации вне зависимости от их этнической, расовой и конфессиональной принадлежности. Таким образом представители всех народов, населяющих Россию, – друг другу “соотечественники”. Повидимому, именно в этом смысле оно использовалось Петром I, когда он переименовал Московское царство в Российскую империю. В этом же смысле использовали его Феофан Прокопович и Михаил Васильевич Ломоносов. Не случайно В.Н. Татищев назвал свою работу (первую по истории России) “Историей Российской”, Н. Карамзин свой многотомный труд – “Историей Государства Российского”. Нынешняя Российская Федерация – это союз не только просто субъектов Федерации, но и населяющих ее народов. Это значит, что в Государстве Российском, в сугубо политико-правовом смысле, нет просто русских, татар и т.д., нет верующих православных, мусульман, иудеев, нет лиц “славянской”, “кавказской”, “бурятско-калмыцкой” и других национальностей, а есть полноправные граждане Российской Федерации.

При этом важное значение имеет признание некорректности деления народов по шкале – культурные и некультурные, хорошие и плохие, прогрессивные и ретроградные. В этом смысле, по-видимому, был прав Н.С. Трубецкой, который говорил, что нет никакой “лестницы культур”. Вместо принципа градации народов и культур по степеням совершенства необходимо признать принцип равноценности и качественной несоизмеримости всех культур и народов земного шара. “Момент оценки, – полагал Трубецкой, – должен быть навсегда изгнан из этнологии и истории культуры, как и вообще из всех эволюционных наук, ибо оценка всегда основана на эгоцентризме. Нет высших и низших. Есть только – похожие и непохожие. Объявлять похожих на нас высшими, а непохожих – низшими – произвольно, ненаучно,

наивно, наконец, просто глупо”¹⁶. Эту же мысль Н. Трубецкой сформулировал еще отчетливее в письме Р. Якобсону от 7 марта 1921 г. : «Понять, что ни “я”, никто другой не есть пуп земли, что все народы и культуры равноценны, что высших и низших нет, – вот все, что требует моя книга от читателя»¹⁷.

Как представляется, для России наиболее приемлемой является формула: единство в многообразии или многообразии в единстве. Правда, здесь необходимо сделать оговорку относительно того, как понимаются сами понятия единство и многообразие. Для России это имеет особую значимость. К примеру, в ряде индустриально развитых демократических стран синтеза этих двух начал пытаются достичь с помощью политики мультикультурализма, которая, во всяком случае в теории, основана на признании равноценности всех культур и, соответственно, их равноправии в рамках единой национальной культуры. Что касается России, то здесь, в сложившихся уже в советский период условиях, сам феномен мультикультурализма неприемлем, так как несколько поколений ее граждан разных национальностей социализировались именно на основе единой социокультурной матрицы, сформировавшейся на базе русского языка и русской культуры.

В этом контексте представляется некорректным использование нередко даже в солидных изданиях применительно к общинам нерусских народов России понятия “диаспора”, вкладывая в него смысл отчужденности представителей соответствующей “диаспоры” по отношению к, так сказать, “титульному” народу. Получается, что эти народы пришли и обосновались в России с территории других чужеземных государств, поскольку именно к такой категории сообществ можно отнести понятие “диаспора”. В действительности же у нас в стране по определению не может быть татарской, башкирской, бурятской, якутской, чеченской или иной диаспоры, поскольку они являются коренными народами России. “Диаспорный” подход к ним способствует деформированию их мировосприятия, создает дополнительные стимулы для дальнейшей фрагментации идентичности, что в свою очередь может стать серьезным препятствием для формирования единой российской политической и гражданской идентичности.

Будучи представителями того или иного российского этноса, мы одновременно являемся

¹⁶ Трубецкой Н. Европа и человечество. София, 1920. С. 42.

¹⁷ Цит. по: Трубецкой Н. История, культура, язык. М., 1995. С. 7.

гражданами Российской Федерации. Традиционно в России бок о бок сосуществуют по сути противоречащие друг другу этнонациональное и наднациональное или надэтническое начала в трактовке российской идентичности. Даже в знаменитой триаде С.С. Уварова затуманивался вопрос о том, являлась ли Российская империя государством русских и для русских, или она являлась наднациональным образованием. Несомненно, существует очевидное противоречие между понятиями русская идентичность и российская идентичность (впрочем, равно как и у других этносов). Если русская идентичность как таковая имеет этническую коннотацию, то российская же идентичность основана на надэтническом начале, где русским как главному государствообразующему народу принадлежит ключевая роль.

Можно утверждать, что русский этнонационализм получил определенную респектабельность благодаря публицистическим работам А.И. Солженицына, который по сути дела бросил вызов надэтническому началу российской идентичности. За последние два-три десятилетия он получил дополнительные основания в результате фактического раздела русского народа новыми государственными границами между собственно Россией и некоторыми другими государствами постсоветского пространства, а также мощным притоком мигрантов из зарубежных стран.

Надо отметить, что официально поддерживая усилия по превращению Солженицына в культовую фигуру, высшие власти Российской Федерации не приняли его вызов этому надэтническому началу в ее, будь то имперской или советской, формах. В этом вопросе можно согласиться с И.А. Зевелевым, по мнению которого «русский этнонационализм пока не стал серьезной силой на внутреннем пространстве России и не оказывает сколько-нибудь значительного влияния на отношения с соседними государствами. Наднациональные аспекты российской идентичности в различных формах (имперских, советских, цивилизационных, универсалистских) продолжают играть существенную роль»¹⁸. На наш взгляд, в этом тезисе следует заменить слово «существенную» на «определяющую».

Представляется необходимым подчеркнуть, что, если исходить из сугубо внутристрановых реальностей, не сложились, во всяком случае в сколько-нибудь внешне осязаемой форме, те критерии, которые позволили бы вычленивать «нас» и

«их», «наших» и «чужих», «друзей» и «врагов», отличить их друг от друга, или противопоставить их друг другу. Пока что идентичность на основе конструкта «россияне», российская гражданская нация на настоящий момент – это все еще проект, для реализации которого потребуется много времени, усилий, национальной и политической воли, как руководства государства, так и интеллектуальной, экономической, духовной элиты, а также, естественно, желания всех народов и этносов Российской Федерации.

При этом важно исходить из того, что, по крайней мере, в обозримой перспективе не может идти речь о каком бы то ни было растворении этнической составляющей российских народов и утверждении, условно говоря, кристально чистой «русскости» всех без исключения народов. Более того, характерные для современного мира процессы глобализации и информационно-телекоммуникационной революции имеют и обратную сторону – фрагментацию, возрождение локализма, этнизма, религиозных верований и т.д.

* * *

Определения природы нации, основанные на признании исключительно этнического происхождения в качестве ключевого элемента, не были правомерны применительно уже к периоду появления современных наций. Тем более они не правомерны в наши дни, когда происходят процессы широкомасштабных перемещений людей и смешений народов. Прав был П. Сорокин, который, обосновывая несостоятельность теорий чистых рас какой бы то ни было особой немецкой или английской крови, писал: «В настоящее время чистота крови сохраняется только на конских заводах, выводящих «чистокровных» жеребцов, да в хлевах йоркширских свиней... В мире же людей указываемый признак единства крови и единства расы как критерий национальности решительно не годен». Например, указывает Сорокин, «кровь» французской нации оказывается составленной из «крови аквитанцев, силюров, иберийцев, басков, васконов, светов, либийцев, сардонов, битуринцев, вандалов, венедов, гелветов, поляков, вендов, кимвров, вестготов, алеманов, франков, евреев, сарацинов, этрусков, белгов, пеласгов, аваров и т.д.». От многих из этих этнических групп сохранились лишь исторические названия¹⁹.

Что касается России, то здесь с учетом названных мировых тенденций, необходимо, как спра-

¹⁸ Зевелев И.А. Будущее России: нация или цивилизация? // Россия в глобальной политике. 2009. № 5.

¹⁹ Сорокин П. Человек, цивилизация, общество. М., 1992. С. 248.

ведливо отмечал В. Мартьянов, неукоснительно поддерживать иерархию идентичностей, в которой, “по определению, на политический статус может претендовать лишь гражданская идентичность человека, являющаяся приоритетной перед всеми прочими его идентичностями, в том числе и этнической”²⁰. Значимость такой постановки вопроса станет особенно очевидна, если учесть, что у российских народов значительно больше объединяющих, нежели разъединяющих начал и интересов. Поэтому главная задача, стоящая перед всеми народами, институтами гражданского общества, органами государственной власти, политическими партиями, одним словом перед всем обществом – формирование общероссийской гражданской политической идентичности. В этом вопросе нельзя не согласиться с упомянутым Мартьяновым, по мнению которого в настоящее время Россия нуждается прежде всего в “гражданской национализации государства”, “в деполитизации” и “разгосударствлении этнической идентичности” путем ее отнесения к “культурному, языковому, историческому и прочим внеполитическим пространствам..., выведения этнического за пределы политического и правового пространств”, поскольку “этнизация политики и права провоцирует реальные политико-правовые конфликты, так как этнонационализм как теоретический язык политики априори конфликтен с реальностью современных наций-государств”²¹. Поэтому этническая и религиозная принадлежность, равно как создание разного рода общественных организаций по этническим, конфессиональным и иным признакам должны стать не политическим, а частным делом граждан. Гражданская или политическая идентичность может быть связана только с нацией-государством и с комплексом общенациональных идеалов, символов, мифов, единой социокультурной и политико-культурной системой, если хотите с общенациональной миссией.

Если согласиться с такой трактовкой, то нация – это совокупность всех граждан, независимо от этнической, конфессиональной, социальной и иной принадлежности. Необходимо осознать, что Россия не есть некий искусственно собранный аморфный конгломерат территорий, регионов, народов, этносов, культур, языков и т.д., она является единым нерасчленимым организмом, сформировавшимся в течение нескольких веков и не подлежащим искусственному расчленению.

²⁰ Мартьянов В. Строительство политической нации и этнонационализм // Логос. 2006. № 2.

²¹ Там же.

Устойчивых империй или великих мировых держав, основанных на этнонационализме, не бывает. Они скорее рано, чем поздно разваливаются. В то же время, как показывает мировой опыт, более или менее стабильное состояние отношений между разными этносами достигалось в рамках империй. Об этом воочию свидетельствует недавний опыт СССР, который по своему смог решить проблему обеспечения устойчивости полиэтнического и многоконфессионального государства, где была нормативная, языковая, культурная и правовая идентичность. В этом контексте представляется не совсем корректным только охватывать, и с порога отвергать феномен так называемой новой исторической общности под названием “советский народ”.

Нельзя не признать тот факт, что почти все аспекты и стороны жизни подавляющего большинства народов России к настоящему времени подверглись глубокой трансформации на путях секуляризации и модернизации. Они глубоко затронули не только социальные, экономические и политические структуры, но и сам образ жизни, систему ценностей, ориентаций и установок, подорвали или совсем разрушили традиционные институты регулирования повседневной жизни людей. К началу XXI в. многосторонние связи, интегрально пронизывающие экономические, культурные, образовательные, духовные, политические и иные реальности, стали утвердившимся и необходимым фактом жизни всех без исключения республик и регионов России, фактор, который никак нельзя ни отменить, ни игнорировать, не задевая и не подрывая жизненных интересов всех народов.

Русская культура, русский язык, через которые многие российские народы вошли в мировую цивилизацию, являются в тандеме ключевым стержнем, скрепляющим их в единое целое. В.С. Соловьев не без оснований подчеркивал, что все хорошее в России основано на забвении национального эгоизма. Это, говорил он, “и русское государство, зачатое варягами и оплодотворенное татарами, и русское благочестие, воспринятое от греков, и заимствованное с Запада просвещение, без которого не было бы русской литературы”. В данном контексте Ч. Айтматов, Ф. Искандер, Р. Гамзатов, Б. Окуджава, М. Магомаев, З. Соткилава, В. Гергиев и множество других писателей, поэтов, художников, музыкантов, артистов в той же степени, в какой и М. Шолохов, В. Астафьев, А. Герман, В. Распутин, Е. Евтушенко и др., явления общероссийской культуры.

При всех перегибах в национальной политике, допущенных руководством Коммунистической партии и советского государства, нельзя не признать, что для подавляющего большинства народов русский язык значит не просто язык межнационального общения. Дело в том, что здесь языковая интернационализация достигла беспрецедентно высокого уровня. Для большинства городских жителей почти всех народов или этносов России он стал вторым родным, а для многих и единственным родным языком (независимо от того, какая в этой сфере проводилась политика)²². Для этих народов русский язык и общероссийская культура были и остаются средством, воротами и инфраструктурой как для саморазвития, так и для вхождения и интегрирования в мировую культуру и цивилизацию. К примеру, просто трудно себе представить формы и пути перестройки системы образования, начиная со средней школы и выше, и науки на сугубо национальных началах и на основе национальных языков (если вообще теоретически допустить такую постановку вопроса) вне российской системы образования и науки. Более того, подобные попытки имели бы катастрофические последствия для этих сфер всех без исключения народов.

В национальном самосознании, национальной гордости, патриотизме и других составляющих понятия нации и производного от него понятия национализма, кроме рационалистического, научного и концептуального, присутствует значительный пласт традиционного, ценностного, иррационального, символического, мифологического. Как подчеркивал М. Вебер, нация адекватно самовыражается в собственном национальном государстве, которое, как правило, служит “просто маской очень сложного переплетения ценностных идей”²³. Известный этнолог Э. Смит наряду с терминами “этнос” и “нация” ввел понятие “потенциальная нация” (*would be nation*), полагая, что именно к этой категории относится большинство современных наций²⁴.

В рассматриваемом контексте интерес представляет тот факт, что до сих пор среди исследователей, занимающихся данной проблематикой, нет единого мнения относительно того, что было раньше – национализм, нация или национальное

государство. Многие исследователи не без основания отмечают, что не нации создают государства и национализм, а, наоборот, и нация, и национализм создаются государством. Ряд авторов совершенно справедливо указывают на то, что лишь в нескольких странах образование нации послужило основой государственного строительства. Речь может идти, например, об Италии, Германии и Греции. Как отмечал Г. Ульрих, специалисты до сих пор не могут прийти к согласию относительно того, что именно преобладало в процессе объединения Италии – государственное строительство под руководством графа Камилло Бенсо ди Кавура или же становление новой нации, процесс которого возглавили Дж. Мадзини и Дж. Гарибальди²⁵. Что касается Германии, то нельзя не признать, что здесь задолго до объединения существовало сильное национальное движение. Но нельзя не признать и то, что во многом объединенная Германия явилась детищем железного канцлера О. Бисмарка.

Зачастую национализм в значительной степени рождается именно в отношении уже устоявшегося национального государства. В этом смысле государство предшествует национализму, а не наоборот, хотя здесь и немаловажна роль процессов, происходящих в самом обществе. Во многом прав Э. Хобсбаум, который подчеркивал, что нации представляют собой “дуалистический феномен, создаваемый преимущественно сверху, но который невозможно понять без изучения процессов, шедших снизу, то есть без чаяний, надежд, потребностей, желаний и интересов простонародья, которые не всегда были национальными, но от этого не становились менее националистическими”²⁶.

Русский же национализм в собственном смысле этого слова возник значительно позже формирования не то что Киевской Руси и Московского царства, а Российской империи. Было бы недопустимым заблуждением утверждать, что нация, как и государство, могут складываться стихийно на основе братства или иного позитивного импульса. Во всяком случае большинство современных национальных государств были созданы искусственно теми или иными группами властителей вокруг того или иного крупного народа или этноса с использованием всех имеющихся в его распоряжении средств: кнута и пряника, договоров, войн, завоеваний и т.д.

²² Например, в США говорят *first language*, то есть первый, а не родной язык.

²³ См.: Вебер М. “Объективность” познания в области социальных наук и социальной политики / Культурология XX века. Антология. М., 1995. С. 600.

²⁴ См.: Smith A. Gastronomy or Geology? The Role of Nationalism in the Reconstruction of Nations // Nations and Nationalism. V. 1. Part 1. March 1995. P. 3–23.

²⁵ См.: Ulrich H. Buergerium und nationale Bewegung im Italien des Risorgimento // Nationalismus und sozialer Wandel. Hamburg, 1978.

²⁶ Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 года. М., 1998. С. 30.

Россия так же, как Франция, Германия, Великобритания и множество других национальных государств, складывалась на основе доминирующей русской культуры и языка. Выше уже отмечалось, что почти все аспекты и стороны жизни подавляющего большинства народов России подверглись глубокой трансформации на путях секуляризации и модернизации. Интенсификации этого процесса в значительной мере способствовало имперское государство с сильной централизованной властью. Оно выступало в качестве главного инструмента организации многонационального сообщества. Имперский центр, будь то Российская империя или СССР, выступали важнейшим фактором инкорпорирования множества народов, разнообразных региональных и этнонациональных общностей в более широкое социокультурное пространство, в единый государственный организм. Поэтому очевидно, что именно федеральному центру принадлежит ключевая роль в создании условий для формирования (именно **формирования**) единой российской национальной идентичности. В этой судьбоносной миссии необходимы также совместные целенаправленные усилия институтов гражданского общества, всех без исключения народов и этносов Российской Федерации.

Особо важное значение с рассматриваемой точки зрения имеет осознание того факта, что подлинную национальную идею ни в коем случае нельзя смешивать с ее национал-шовинистической, великодержавной профанацией. Национальная идея включает высший смысл существования и предназначение данного народа. Она утверждается и легитимирует себя не через отрицание или развенчание культур или идеалов других народов, а через устремленность на созидание, творческое освоение всего жизнеспособного и позитивного из наследия этих народов.

В основе национальной идентичности любой великой державы лежит определенный, более или менее четко сформулированный идеал, включающий основополагающую миссию, предназначение, целевую установку и призванный обеспечить ее место и статус в мировом сообществе. Именно такой идеал дает основу для формирования национальной идентичности, воли к самосохранению и поискам адекватных ответов на внешние и внутренние вызовы и угрозы.

Подрыв, эрозия такого идеала ведет в конечном счете к исчезновению с исторической арены любой великой нации. Не секрет, что множество могущественных держав и даже цивилизаций исчезали с политической карты мира в силу того, что им не удавалось справиться с проблемами ослабления или эрозии своей идентичности и легитимности власти. Великую и мощную Римскую империю, в первую очередь, погубили не варвары с ее окраин во главе с Теодорихом и Аларихом или гунны во главе с Аттилой. Она стала их добычей, когда идеал, на котором основывались ее миссия, воля и система ценностей, стал подвергаться эрозии в результате постепенной духовной и морально-нравственной деградации общества в целом и господствующего класса в особенности. Обоснованность этого тезиса воочию подтверждается стремительным крахом как бы в одночасье (иначе не скажешь) казавшейся могущественной и созданной на века мировой державы в лице СССР.

Ключевые слова: национальная идентичность, российская идентичность, этническая принадлежность, надэтническая идентичность, полиэтничность, межнациональная терпимость, радикальный национализм, надэтническое начало, Российское государство.